

И. В. Дмитриева

Минский государственный лингвистический университет

КАТЕГОРИИ КРУПНЫХ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ОБЪЕКТОВ В ТРАКТОВКЕ Д. Г. БОГУШЕВИЧА

Последние десятилетия имя Дмитрия Георгиевич Богушевича ассоциируется, в первую очередь, с особым направлением семантического синтаксиса, известным как композиционный синтаксис. В рамках этого направления под руководством Д. Г. Богушевича активно разрабатывался вопрос о взаимодействии лексической и синтаксической семантики языковых единиц, изначально – на уровне предложения, позже – с выходом на уровень текста. При этом сфера научных интересов самого исследователя была намного шире. Если взять любой 5–10-летний срез его публикаций, то мы найдем там работы по семантическому синтаксису, лингвопрагматике, теории коммуникации и т. д. Он внес значительный вклад в формирование научных представлений о единицах и общей системе языка с позиций их функционирования. Здесь уместно вспомнить его монографию «Единица. Функция. Уровень: К проблеме классификации единиц языка» (1985), в которой предлагаются новые подходы к решению таксономических проблем языка. И поскольку функционирование языка реализуется в про-

цессе речевого общения, а классификационные принципы всегда интересовали Д. Г. Богусевича, то его работы освещали в том числе и вопросы категоризации и классификации таких крупных лингвистических объектов, как типы (классы) общения.

Интерес к категориям крупных лингвистических объектов появился, пожалуй, с выделением лингвистики текста в отдельное направление гуманитарного знания, чему в определенной мере способствовали наработки в сфере функциональной стилистики с детальным описанием функционально-стилистических характеристик текстов различных стилей и жанров. Но именно в лингвистике текста при выделении категорий текста признается «обязательность оппозиционных параметров в наблюдении фактов» [1, с. 9].

Определение категории в лингвистике тесно связано с философскими трактовками этого предельно общего, фундаментального понятия. Прилагаясь к объектам лингвистики, категория в самом широком смысле соотносится с любым объединением «языковых элементов по их качественно однородным в отношении структуры и функционирования признакам» [2, с. 4]. Под категориями текста чаще всего понимаются его характерные особенности, «атрибуты», которые «отражают его наиболее общие и существенные признаки» [3, с. 80]. К началу XXI века в списке текстовых категорий насчитывается уже более полсотни, отражающих те или иные характерные черты текста.

Одна из первых в отечественной лингвистике номенклатур текстовых категорий была предложена И. Р. Гальпериным, который в качестве ведущих параметров текста выделяет категорию информации/информативности, существующую в трех видах (содержательно-фактуальная, содержательно-концептуальная, содержательно-подтекстовая), категорию модальности текста. Такое свойство текста, как членимость, позволяет выделить категории ретроспекции/проспекции, континуума, переакцентуации и др. которые связаны с пространственно-временными отношениями; когезию как вид связи, обеспечивающий логическую последовательность, и др. [1]. Определяются формы текстовых категорий: например, *сообщение, описание, рассуждение, письмо, резолюция, договор* и др. понимаются как формы проявления категории информации.

По мере расширения арсенала лингвистических теорий, приложимых к выделению текстовых категорий, стали складываться коммуникативно-прагматически-ориентированные номенклатуры. Одним из примеров может стать предложенная О. Л. Каменской номенклатура прагматических характеристик текста, которые вычленяются и группируются в зависимости от того, на какой из аспектов личности адресата ожидается воздействие данного параметра. В результате вычленяются такие категории, как читабельность, информативность, новизна, эмоциогенность, способность производить эстетический эффект, ценность [4]. Этот набор категорий характеризует текст как инструмент воздействия. Однако, пожалуй, не менее интересным может стать рассмотрение категорий текста как инструмента взаимодействия.

На современном этапе предпринимаются попытки выделения категорий еще одного крупного лингвистического объекта – дискурса. Уже в конце XX века этот вопрос был поднят в трудах В. И. Карасика [5], а с начала XXI века разработкой проблемы категорий дискурса занимаются многие выдающиеся лингвисты. В более поздней публикации В. И. Карасик предлагает номенклатуру из четырех наиболее общих групп категорий дискурса: конститутивные, жанрово-стилистические, семантико-прагматические (содержательные) и формально-структурные категории. Первые, по мнению автора, позволяют отличить текст от «нетекста». К ним относятся тематическое, стилистическое и структурное единство, оформленность и смысловая завершенность. Вторые, как следует из названия, соотносят тексты с функциональными разновидностями речи и конкретизируются в жанровом каноне, клишированности, степени компрессии, общей стилевой принадлежности. Семантико-прагматические категории включают такие разновидности, как информативность, интерпретируемость, адресативность, образ автора и интертекстуальная ориентация. Формально-структурные категории характеризуют способ организации текста и проявляются в его композиции, членимости, особенностях когезивной связи [6, с. 241]. Как видно, эти категории отражают текстоцентрический подход, проявляющийся в разнообразных трактовках дискурса в лингвистике: от определения Т. А. ван Дейка «текст в контексте» [7] до дефиниции в Лингвистическом энциклопедическом словаре «связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и др. факторами» [8, с. 136]. При этом в ряде работ подчеркивается необходимость отдельного рассмотрения таких лингвистических объектов, как текст и дискурс, в связи с отсутствием прямого изоморфизма данных понятий и явлений. Например, В. Е. Чернявская предлагает понимать дискурс как «коммуникативный и ментальный процесс, приводящий к образованию формальной конструкции – текста» [9, с. 177]. Так в лингвистическом понимании категорий дискурса происходит сдвиг от текстоцентрической номенклатуры категорий к коммуникативно ориентированной, принимающей во внимание характеристики процесса коммуникации и участников коммуникативной ситуации, коммуникаторов. Это особенно четко проявляется в таксономиях категорий дискурса, предложенных М. Л. Макаровым [10] и Е. А. Селивановой [11].

Дальнейшее развитие система категорий дискурса получает в работах украинского исследователя И. С. Шевченко. Автор предлагает различать когнитивные, коммуникативные и метадискурсивные категории дискурса, а также выделяет отдельную гиперкатеорию интердискурсивности. По мнению автора, первые две дают представление о содержательном плане дискурса, а метадискурсивные – о его структурировании. В частности, к когнитивным категориям дискурса автор относит «информативность – смыслы, передаваемые в ходе коммуникации» и «когезию как семантико-когнитивную связность дискурса (каузальную, референциальную, темпоральную)» [12, с. 8]. Коммуникативные категории дискурса в предлагаемом

подходе включают «интенциональность и адресованность, т. е. социально-прагматические свойства отдельных ситуаций общения, а также ситуативность – соотнесение вербальных и невербальных аспектов общения» [12, с. 8]. В составе метадискурсивных категорий автор выделяет 4 разновидности: «средства оформления дискурса как процесса – его коммуникативные стратегии и тактики; жанрово-стилистические особенности дискурса; фатическую метакоммуникацию (регулирование речевого взаимодействия в ситуациях установления, продолжения, размыкания речевого контакта) операциональную категорию мены коммуникативных ролей [12, с. 8]. Гиперкатегория интердискурсивности, по мнению автора, реализуется как через дискурсивные, так и через метадискурсивные категории.

Приведенный выше краткий обзор возможных решений вопроса о категориях крупных лингвистических объектов заставляет вспомнить слова О. С. Иссерс о том, что в лингвистике интерес к минимуму сменился интересом к максимуму, что, как мы наблюдаем в современных работах, формирует устойчивые лингвистические направления гуманитарной науки.

В этом контексте обращение Д. Г. Богушевича к категориям общения еще в 80-е годы прошлого века предстает новаторским, инновационным, определяющим, как и всегда в его трудах, передний край лингвистических исследований. Следует отметить оригинальность, специфичность категорий общения в концепции Д. Г. Богушевича. В них выдерживается собственно грамматический принцип выделения категорий. Формы предложенных им категорий общения носят явно оппозитивный характер, что свойственно грамматическим категориям, выявление которых осуществляется через противопоставление членов оппозиции, имеющих общие и дистинктивные характеристики.

Здесь можно сделать одно отступление. В своей исследовательской деятельности Д. Г. Богушевич с большим энтузиазмом относился к оппозитивной методике. Он даже определение грамматики как подсистемы языка давал сквозь призму оппозиций: «Грамматика – это подсистема языка, которая служит передаче значений путем противопоставления вариантов одной и той же единицы» [13, с. 7].

Категории общения были выделены Д. Г. Богушевичем как идентифицирующие параметры типов (классов) речевого общения, которые определяются характером и числом участников общения. В номенклатуру самых общих типов речевого общения входило три класса:

- (1) закрытое общение, когда число участников ограничено и вмешательство извне не предполагается;
- (2) открытое ограниченное общение, когда количество участников ограничено, но не ограничено число возможных наблюдателей-слушателей;
- (3) неограниченное общение, в которое может включаться весь социум [14].

Считается, что именно эти классы создают условия уместности употребления всех единиц языка и формируют такие функционально-значимые, стилистические подразделения, как, например, неофициальная

речь в закрытом ограниченном общении, официальная речь в открытом ограниченном общении и публичная речь в неограниченном общении. Каждый из классов общения характеризуется через формы категорий общения. Рассмотрим некоторые из них.

С отношениями участников общения, их речевым поведением связана категория репрезентативности, сущность которой состоит в том, от чьего имени коммуниканты участвуют в данном эпизоде общения. Она может существовать в одной из трех форм:

(1) прямая репрезентативность, когда участники общения представляют самих себя;

(2) смещенная личная репрезентативность, когда хотя бы один из коммуникантов принимает участие в процессе общения по чьей-либо воле, действует, представляя интересы другого лица;

(3) смещенная социальная репрезентативность, когда участники общения представляют какие-либо группы членов социума, организации.

Категорию направленности Д. Г. Богушевич вывел из такой характеристики вербального общения, как наличие/отсутствие лидера, и определил две ее формы:

(1) однонаправленное общение, когда предполагается речевая доминанция одного из участников, а речевая доминанция остальных либо отсутствует, либо сводится к подтверждению восприятия информации;

(2) разнонаправленное общение, когда речевая доминанция какого-либо одного из участников отсутствует.

Категория *ц е л е н а п р а в л е н н о с т и* является отражением следствия необходимости согласовывать при общении интересы участников и их действия. Она направлена на коррекцию самих действий и представлена тремя формами: алгоритмизирующей, корригирующей и мотивирующей [14].

На то, в какой форме будут реализованы данные категории общения, существенное влияние оказывает вид предметной деятельности и отношения между участниками общения (социально-ролевые, межличностные и др.). Эвристическую ценность предложенной номенклатуры категорий общения повышает потенциально оппозитивный характер форм этих категорий.

Анализ языковых проявлений форм категорий классов речевого общения показал их тесную взаимосвязь с реализацией эксплицитного или имплицитного представления фактуальной информации в тексте. Способы представления пропозиционального компонента содержания текста формализуются, в частности, посредством способов вербализации номинативных компонентов семантической структуры предложения (пропозиции). Они сводятся к двум основным и самоочевидным группам: эксплицитная и имплицитная репрезентация.

Оценка эксплицитной репрезентации, когда номинативные элементы вербализованы, базируется на закономерностях синтаксической организации английского предложения. Эксплицитное представление может реализовываться в одном из двух вариантов: семантические компоненты занимают соответствующие им синтаксические позиции подлежащего и дополнения

или смещаются по синтаксической оси. Например, синтаксическую позицию подлежащего может занимать не семантический субъект, а семантический объект или инструмент. Как следствие, некоторые номинативные элементы вытесняются из плана выражения. В одном из исследований, выполненных под руководством Д. Г. Богушевича, был проведен детальный анализ способов вербализации эксплицитной информации по линии того, какой элемент семантической структуры чаще оказывается в коммуникативно сильной и семантически престижной позиции синтаксического подлежащего в художественных и научных текстах. Оказалось, что в художественных текстах – это семантический субъект, в научных – семантический инструмент. В исследовании также отмечается отсутствие существенных статистических различий между текстами двух стилей по линии семантического объекта [15].

Имплицитный способ связан с существованием таких языковых структур, которые открывают возможность устранения информации о субъекте или объекте действия. К таким структурам относятся неличные формы глагола, словосочетания и конструкции с ними, отглагольные существительные и отглагольные прилагательные, которые часто оцениваются как потенциально-пропозитивные единицы, или свернутые пропозиции. Существенными в исследовательском плане здесь являются две характеристики таких единиц. Во-первых, то, что устранению подвергаются ожидаемые элементы и, как следствие, существует возможность с той или иной степенью конкретизации восстановить устраненные элементы. Во-вторых, это вероятный, но необязательный характер устранения номинативных элементов из плана выражения и, как следствие, возможность оценить реализацию имплицитного (или эксплицитного) потенциала свернутой пропозиции.

Восстановление имплицитных элементов осуществляется посредством последовательных трансформаций и использования внутритекстовой (контекст) или затекстовой (пресуппозиция, фоновые знания) информации для восстановления имплицитных элементов. Свернутые пропозиции могут представлять указанные номинативные компоненты в одном из трех вариантов: элемент не имеет поверхностно выраженной связи со свернутым предикатом, но сохраняется в плане выражения, и эта связь может быть восстановлена; элемент устранен, но поддается деимпликации; элемент устранен и не поддается восстановлению.

Преобладающий выбор эксплицитного, имплицитного или нулевого («вытеснение») способа представления информации о номинативных элементах пропозиции, степень реализации имплицитного потенциала свернутых пропозиций, тип элемента, последовательно сохраняющегося или регулярно устраняемого из плана выражения, референциальный статус восстанавливаемого элемента, а также источник информации для его восстановления можно рассматривать в качестве проявлений форм категорий речевого общения в текстах, относящихся к различным классам речевого общения.

Рассмотрим проявления категории репрезентативности в художественных и научных текстах, представляющих классы открытого неограниченного и открытого ограниченного общения соответственно, сквозь призму имплицитного представления информации о номинативных элементах свернутых пропозиций.

Научные тексты характеризуются ясным представлением об авторе и предмете изложения, даже если автор описывает наработки группы исследователей. Семантический субъект, как правило, соотносящийся с автором, будучи раз эксплицитно и однозначно задан в начале текста научной статьи или в самом тексте статьи (автор исходной теории, оспариваемых положений, эксперимента, приведенного для сопоставления, и т. д.), может быть устранен из последующего текста. Такое оформление плана выражения научного текста при сохранении возможности однозначной идентификации имплицированного субъекта маркирует прямую форму категории репрезентативности. При этом автор статьи, представляя наработки других исследователей, теоретические положения разной степени доказанности и общепризнанности, использует языковые структуры, способствующие объективации субъектно-авторского начала, несколько отстраняясь от выполненного им действия. Субъекты соответствующих пропозиций восстанавливаются благодаря тому, что весь текст принадлежит определенному автору и информация о нем является необходимым элементом структуры научного текста. Например, в предложении A *“mountain block”, as defined in Section 2, was formed using a combination of keyboard and digitiser output* читателю понятно, что именно автор статьи определил *“mountain block”* в разделе 2, что он сформировал этот *“mountain block”* и это он использовал совмещение *keyboard and digitiser output*. Т. е. имплицированные субъекты свернутых (вторичных) предикатов *define, use* и пассивного предиката *was formed* вполне успешно и однозначно поддаются восстановлению за счет внутритекстовой информации.

Однако в научных текстах прямая репрезентативность может чередоваться со смещенной формой этой категории. Например: *There are some attempts to provide “COBOL-like” languages such as DIBOL and SyBOL which is similar to the better known DATA point DATA SHARE.* Имплицированный субъект номинализированного предиката *provide* осуществляет референцию к кому-то из разработчиков языков ЭВМ, но знающий специалист может идентифицировать этот субъект вполне конкретно, профессиональный программист может быть в курсе того, кто или какая лаборатория, фирма занимается разработкой языков программирования типа КОБОЛ, т. е. имеет возможность определить круг возможных исполнителей и, следовательно, устраненный субъект. Субъект потенциального предиката *known* как бы объединяет автора и читателя в класс специалистов, информированных о *DATA point DATA SHARE* в большей степени, чем о *DIBOL and SyBOL*. Источники его восстановления находятся вне текстовой информации и требуют использования фоновых знаний адреса. Такие употребления, причем

весьма частотные, позволяют утверждать, что в научных текстах категория репрезентативности вариативна и может существовать в прямой или смещенной форме.

В художественном произведении формы категории репрезентативности проявляют себя несколько иначе. Литературное повествование может вестись от первого лица, от автора, включать изображение других эпизодов общения, внутренние монологи персонажей и т. д. Это значит, что полифония художественных текстов, с одной стороны, требует насколько возможно эксплицитного предъявления субъекта каждой конкретной пропозиции, с другой стороны, в случае использования структур, позволяющих переводить информацию о субъекте в имплицитный пласт, обеспечивать возможно более конкретную идентификацию субъекта при его деимпликации. В последующем примере субъект инфинитива *bring* вполне однозначно восстанавливается за счет информации, представленной в самом предложении: *There had been a time when Father Dewes' predecessor made an attempt to bring Mr. and Mrs Ferraro into a closer relationship but...* – это *Father Dewes' predecessor*. Подобная однозначность идентификации имплицированного субъекта свидетельствует о прямой форме категории репрезентативности.

Вероятно, такое положение дел связано с тем, что художественные тексты представляют собой срез мира «вообще», что требует большей конкретизации описываемого фрагмента картины мира для того, чтобы содержащаяся в нем информация была адекватно воспринята максимально широким кругом читателей. В научных текстах изначально четко ограничена описываемая предметная область; субъекты (и объекты) действия, раз эксплицитно заданные или полагаемые известными, в остальных случаях не требуют конкретизации до индивидуальной идентификации. Конкретизация до класса оказывается достаточной, так как научные тексты имеют не единичное, но групповое значение.

Категории направленности и целенаправленности также демонстрируют реализацию отличающихся форм в научных и художественных текстах как представителях разных классов общения. Проявления категории направленности, формализованные посредством репрезентации элементов свернутых пропозиций, позволяют оценить художественные тексты как субъектоцентричные, а научные – как объектоцентричные. А категория целенаправленности представлена своей мотивирующей формой в художественных текстах и алгоритмизирующей – в научных текстах.

Таким образом, можно утверждать, что при всем высоком уровне обобщения, характерном для категорий классов речевого общения, они оказались достаточно тесно связаны со способами языкового представления пропозициональной информации в процессе коммуникации в целом и в процессе порождения текстов различной функционально-стилистической отнесенности в частности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гальперин, И. Р.* Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. – М. : Наука. – 138 с.
2. *Болдырев, Н. Н.* Категориальное значение глагола: Системный и функциональный аспекты / Н. Н. Болдырев. – СПб. : Рос. гос. пед. ун-т, 1994. – 169 с.
3. *Тураева, З. Я.* Лингвистика текста / З. Я. Тураева. – М. : Просвещение, 1986. – 127 с.
4. *Каменская, О. Л.* Прагматические свойства текста / О. Л. Каменская // Язык как коммуникативная деятельность человека : сб науч. тр. / Моск. гос. лингвист. ун-т.– М., 1987. – Вып. 284. – С. 72–79.
5. *Карасик, В. И.* О категориях дискурса / В. И. Карасик // Языковая личность: социологические и эмотивные аспекты : сб. науч. тр. / Волгогр. гос. ун-т, Саратов. гос. ун-т ; редкол.: В. В. Дементьев [и др.]. – Волгоград ; Саратов, 1998. – С. 185–197.
6. *Карасик, В. И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – Волгоград : Перемена, 2002. – 477 с.
7. *Dijk, T. A. van.* Text and Context: Explorations in the Semantics and Pragmatics of Discourse / T. A. van Dijk. – London : Longman, 1977. – 261 p.
8. *Арутюнова, Н. Д.* Дискурс / Н. Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь / Науч.-ред. совет изд-ва «Советская энциклопедия», Ин-т языкознания Акад. наук СССР ; гл. ред. В. Н. Ярцева. – М., 1990. – С. 136–137.
9. *Чернявская, В. Е.* Коммуникация в науке: нормативное и девиантное. Лингвистический и социокультурный анализ / В. Е Чернявская. – М. : Либроком, 2011. – 240 с.
10. *Макаров, М. Л.* Основы теории дискурса / М. Л. Макаров. – М. : Гнозис, 2003. – 280 с.
11. *Селиванова, Е. А.* Основы лингвистической теории текста и коммуникации : моногр. учеб. пособие / Е. А. Селиванова. – Киев : Фитосоциоцентр, 2002. – 335 с.
12. *Шевченко, И. С.* Дискурс и его категории / И. С. Шевченко // Вісн. Харків. нац. ун-ту. Сер. Романо-германська філологія. Методика викладання іноземних мов. – 2011. – Вип. 68, № 973.– С. 6–12.
13. *Богушевич, Д. Г.* Теоретическая грамматика английского языка. Синтаксис : пособие для студентов филол. спец. / Д. Г. Богушевич, И. В. Дмитриева, Н. П. Петрашкевич. – Минск : МГЛУ, 2011. – 104 с.
14. *Богушевич, Д. Г.* Опыт классификации эпизодов вербального общения / Д. Г. Богушевич // Языковое общение: процессы и единицы : межвуз. сб. науч. тр. / Калинин. гос. ун-т. – Калинин, 1988.– С. 13–21.
15. *Сечейко, О. Г.* Соотношение денотативного и сигнификативного аспектов предложения в различных стилях английского языка (на материале текстов научной и художественной прозы) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / О. Г. Сечейко. – Минск, 2003. – 126 л.